

И. Ю. Филимонов

НАУЧНАЯ ШКОЛА КАК КОММУНИКАЦИОННАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЗНАНИЯ. 1985—1991 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

I. Y. Filimonov

SCHOOL OF SCIENCES AS COMMUNICATION BASIS OF DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE IN 1985—1991 (ON MATERIALS OF CHELYABINSK REGION)

В статье исследуется деятельность научных школ как формальных и неформальных образований ученых в составе организационной структуры вузов. Раскрывая роль лидеров и других представителей этих сообществ, ставится задача понять специфику зарождения и эволюции научных идей в процессе индивидуальной и коллективной работы ученых и рассмотреть роль научных школ как коммуникационной основы развития знания. В заключении сделан вывод о том, что межличностные коммуникации ученых способствовали созданию условий для получения нового знания, становления научных кадров и ослабления дезинтеграции.

Ключевые слова: научная школа, коммуникация, знания, сообщество, научные идеи, общественные науки, лидер, неформальная организация, социокультурные факторы, перестройка.

In this article activity of schools of sciences as formal and informal structures of scientists as a part of organizational construction of higher education institutions is explored. Revealing the role of leaders and other representatives of these communities, the task to understand specifics of incipience and evolution of scientific ideas in the process of individual and collective work of scientists and to examine the role of schools of sciences as communication basis of development of knowledge is set. In the end of the article it was concluded that interpersonal communications of scientists promoted establishment of conditions for receiving new knowledge, formation of scientific personnel and weakening of disintegration.

Keywords: school of sciences, communication, knowledge, community, scientific ideas, social sciences, leader, informal organization, sociocultural factors, perestroika.

Научная школа представляет собой исторически обусловленную интеллектуальную, эмоционально-ценностную общность ученых разных статусов. Это особый тип научного сообщества в организационной структуре вузов. Сформировавшуюся научную школу характеризуют специфическая система отношений, ценностей и норм поведения. Своеобразные правила поведения, грамотно организующие исследовательскую деятельность персонала, входящих в такой неформальный круг общения, способствуют формированию этики научно-творческого труда и атмосферы научного поиска. Главными элементами данной системы взаимоотношений являются устоявшиеся методы руководства, стиль общения с коллегами и формулирование научных проблем во главе с авторитетным лидером. Под руководством лидера (часто основоположника — известного ученого, длительно работающего по определенной тематике), как правило, разрабатывается выдвинутая им исследовательская программа, нацеленная на получение нового знания в определенной научной области¹.

Для развития нового знания необходима определенная система межличностных коммуникаций между членами этого сообщества, которая является неотъемлемым компонентом научно-исследовательского процесса. Научная школа как коммуникационная основа развития знания содействует формированию общности научных интересов, обуславливает научную значимость рассматриваемых проблем, уровень научных результатов и раскрывает роль научного лидера как центра этой системы². Свойства личности руководителя школы в развитии научных связей играют первостепенную роль. Он выполняет функцию гаранта стабильности коммуникационной сети своего коллектива. Ученый, возглавляющий научную школу, должен умело организовать и наладить систему межличностных научных связей. Она в свою очередь должна самовоспроизводиться и поддерживать дальнейшую деятельность организованной им научной ячейки³.

Полноценная жизнь такого механизма развития знания находится, прежде всего, в зависимости от социокультурных факторов. Научная школа не мо-

жет избежать влияния общественного, культурного и организационного окружения. Оно неизбежно оказывает воздействие на постановку и реализацию научных идей и детерминирует новые условия для развития исследовательской мысли в рамках научных школ⁴.

Советская государственная политика в области науки имела определенную специфику. Все советские научные институты находились под контролем и идеологическим надзором со стороны КПСС. Иерархичность, территориально-производственный принцип построения первичных организаций КПСС порождали централизацию и администрирование вузовской науки⁵. Партийные структуры, занимаясь расстановкой кадров, в том числе и профессоров, выступали в качестве проводника не только официальной позиции государства по отношению к науке, но и индивидуальных представлений о должном партийных секретарей. Через утверждение на парткомах характеристик был сформирован механизм отбора и беспартийных научных кадров. При этом высказывались замечания о недостаточно активной общественной или научной работе⁶.

Парткомы и ректораты применяли практику приглашения ведущих ученых из других учреждений, организовывавших новые научные площадки. Вновь созданный Челябинский государственный университет комплектовался известными учеными и молодыми кадрами. Научные школы здесь формировались по иной схеме, чем в других вузах⁷. Немаловажным компонентом научного потенциала вуза оказывался ученый-одиночка.

Перестройка в СССР как государственно-партийная политика предусматривала обновление социалистических механизмов жизни советского общества. Интеллигенция и сфера науки оказались и объектом и субъектом данной политики. Провозглашение политики гласности, демократизации нанесли удар, прежде всего, по государственно-административной системе управления наукой и традиции подчинения вышестоящим начальникам. Медленно начинает внедряться традиция конкурсных выборов в партийные комитеты, преодолевалось административное давление, монополизм, увеличивается состязательность научных школ.

В условиях догматизации основных положений марксизма-ленинизма научные дискуссии искусственно ограничивались. Все возрастающая степень изменений общественно-политической ситуации, начиная с 1988 г., вносила свои коррективы в повседневную жизнь научных работников-обществоведов. Новое понимание изучаемой реальности стало катализатором новой волны идей. У философов, социологов, других представителей общественных наук это отражало общую поляризацию мнений, текущую ситуацию и в обществе, и в научной сфере⁸.

Имея общее поле исследований, ученые контактировали, обменивались идеями на проводившихся конференциях, что способствовало налаживанию межвузовской коммуникации. Благодаря возникшему коммуникационному полю появилось множество новых научных веяний, что содействовало развитию научных школ. Таким образом, жизнь ученых представляет собой диалог. Научная коммуникация,

имея диалогичную природу, подталкивала многих крупных ученых к основанию и развитию своих собственных научных ячеек.

В ЧелГУ под руководством профессора К. Н. Суханова начали проводиться исследования по направлению «Гносеологические и социальные механизмы», «Социальные и общественные противоречия научных знаний»⁹. Сам К. Н. Суханов стал разработчиком концепции интуиционизма как гносеологического и методологического направления в философских основаниях математики, концепции места интуиции в методологии научного познания.

В ЧГИК успешно занимался исследовательской деятельностью коллектив под руководством профессора В. С. Толстикова, в интересах которого была история создания и развития отечественной атомной промышленности. Новой стороной научных работ научной школы стало изучение социально-экологических последствий атомного производства на Урале¹⁰.

Стала расширяться тематика и по социальным проблемам. На кафедре философии Челябинского государственного педагогического института более активно стал использоваться социологический анализ общественного мнения. Под руководством доцента В. И. Липского работала социологическая лаборатория, где исследовались проблемы, связанные с системой коммуникации «человек—общество», «Политическая напряженность в Челябинской области»¹¹. Кафедры политэкономики сосредоточили свое внимание на изучении новых явлений социально-экономической жизни. В Челябинском политехническом институте зав. кафедрой В. И. Бархатов, сменивший на этом посту профессора А. К. Орлова, возглавлял исследования новых для перестроечного времени вопросов, в частности, трансформации государственной формы собственности в СССР. Благодаря его руководству, через созданную им научную школу прошли многие будущие ученые¹².

В Челябинском государственном институте культуры требования перестройки заставляли руководство вуза по-иному подойти к вопросу о повышении научного потенциала. Традиционно решать задачу мобилизовать людей предполагалось административным путем. Были даны указания обратить внимание на исследователей, способных выдвинуть новые идеи, обосновать их и возглавить творческие группы ученых. В этом понималась основа формирования будущих научных школ. Из уже сложившихся к тому времени коллективов необходимо отметить творческую группу профессора В. С. Цукермана, сформировавшего научную школу в сфере социологии культуры¹³.

Существенной была проблема мотивации работников при проведении научных исследований, в подготовке научных кадров. Например, представители парткома ЧГПИ отмечали на заседаниях, что отдельные ведущие ученые не стремились к созданию собственных научных школ, не делали активных шагов по подготовке кандидатов наук¹⁴. Видимо, умение производить новое знание было присуще далеко не всем членам научного сообщества. Даже оформившаяся научная школа как комму-

никативная ячейка в ходе своей деятельности могла и не добиться появления нового знания¹⁵.

В подавляющем большинстве коммуникативное ядро научной школы ограничивалось вузовской кафедрой, а лидер являлся ее заведующим. Рассматривая научную школу как коммуникационную основу развития знания, следует учитывать стиль руководителя научной школы, который создавал определенный социально-психологический климат, культуру организации исследовательской работы. Сама по себе деятельность научной школы не гарантирует, что получится то, к чему стремились ее представители. Достаточно часто даже продуктивные исследовательские коллективы прекращают свое творческое существование с уходом лидера. Возможности продолжения активной исследовательской работы после ухода лидера могут быть определены востребованностью результатов научной деятельности, профессионализмом учеников, состоянием внешнего окружения, когда из-за переоценки многих общественно-исторических ценностей не все представители научного сообщества могли перестроить свою работу и работу своих подчиненных в русле актуальных проблем, становясь объектом критики¹⁶.

Иллюстрацией может служить сложившаяся ситуация к 1986 г. с профессором Я. А. Эльфондом, зав. кафедрой истории КПСС ЧелГУ. Начиная с конца 1950-х гг. он занимался изучением деятельности Коминтерна и связанных с ним массовых организаций трудящихся¹⁷. Его научная школа сформировалась еще в 1960-х гг. в Саратовском государственном университете, продолжение деятельности которой, в том числе путем организации работы в научных кружках со студентами, он продолжил уже в ЧелГУ с новыми учениками, которые продолжали заниматься наукой и после получения дипломов¹⁸. Организуя НИРС, профессор каждый год проводил итоговые внутриуниверситетские конференции по партийно-исторической тематике¹⁹. Таким образом, занимаясь подготовкой аспирантов, студентов как кандидатов в аспиранты, инициируя проведение конференций, он создавал коммуникационную сеть, улучшая перспективы получения знания по проблемам своей научной работы. Однако, его «самостоятельность» не нравилась партийно-административному руководству. В 1986 г. он был вынужден отказаться от заведования кафедрой истории КПСС. Обвинения парткома в его адрес были формальными и традиционными (в коллективе, «не было благоприятного климата», неспособность нацелить научную работу кафедры на решение современных народно-хозяйственных задач, отсутствие «единого научного направления») ²⁰. Более правдоподобным было обвинение в том, что он «проводил в разрез с парторганизацией и администрацией кафедральные мероприятия, когда проходили общеуниверситетские». Таким образом, исследования профессора А. Я. Эльфонда по истории международного коммунистического движения оказались невостребованными²¹.

Приведенный пример был характерен не для всех представителей вузовской науки. Часто смена научных направлений происходила, не столь болезненно. Иллюстрацией умения организовать деятель-

ность, приведшей к созданию научной школы по новой тематике служит научная школа профессора А. П. Абрамовского. Он изучал проблемы установления советской власти на Урале, восстановления уральской промышленности после гражданской войны, а также «красное» партизанское движение²². Поворот научной деятельности к изучению казачества был связан с изучением периода гражданской войны²³. Проблема казачества привлекала все большее число историков. В мае 1990 года ученым советом ЧелГУ отмечалось, что в вузе формировались направления под руководством докторов наук А. П. Абрамовского и М. Д. Машина, в центре исследования которых находились вопросы истории казачества и казачьих школ. Таким образом, произошла смена научных интересов А. П. Абрамовского от историко-партийной проблематики к изучению Оренбургского казачества, системы начального образования и воинского воспитания в Оренбургском казачьем войске²⁴. Данное направление исследований стало одним из заметных векторов развития исторической науки Уральского региона²⁵.

В ЧГПИ возникли новые направления исследований по зарубежной истории. С середины 1980-х гг. формировалась школа профессора А. Б. Цфасмана по изучению истории политических партий Германии в период становления Веймарской республики. К данной тематике редко обращалась советская научная мысль, которая интересовалась в основном проблемами рабочего движения. Кафедра всеобщей истории ЧГПИ как коммуникационная платформа стала одним из ведущих центров российской германистики²⁶.

Таким образом, если сравнить судьбу научных школ Я. А. Эльфонда, А. П. Абрамовского и А. Б. Цфасмана, то можно сделать вывод, о том, что в зависимости от взаимодействия внешнего социокультурного и когнитивного факторов, а также способности лидеров к коммуникации судьба таких сообществ могла складываться по-разному. Более сложной для научной среды является проблема социального конформизма, но это тема специального исследования.

В конце 1980-х годов возникали конфликты между консервативно настроенными представителями науки, настороженно относившихся к любым изменениям с одной стороны, и свободомыслящими членами этих научных школ, имевших иной взгляд на рассматриваемую проблему. Нередкими становились ситуации, когда оппоненты, имея различные точки зрения, например, на некоторые сюжеты истории, оказывались в непримиримых отношениях. Например, профессор, зав. кафедрой истории КПСС в ультимативной форме мог требовать от другого члена кафедры признать ошибочными свои интерпретации²⁷.

Таким образом, появление нового знания может носить коммуникативный характер. Научная школа — это самоорганизующееся сообщество, имеющее целью своей деятельности коллективную выработку новых научных идей, их протекцию и распространение, исходя из индивидуальных представлений ученых, их стремления к научной самореализации и чувства научного самолюбия.

Механизм реализации продукта труда научных школ на практике сталкивался с проблемами. Обострялась борьба тенденций между развитием научных коммуникаций и дезинтеграцией научной деятельности. Играло свою роль индивидуально-личностное начало процесса познания в развитии коммуникаций со своими коллегами. Успешное существование научной школы как сети коммуникаций способствовало подготовке и становлению научных кадров (учеников-воспитанников), но слабой была заинтересованность в этом многих ученых. Условия производства нового знания, в особенности его дистрибуции в общественную сферу, порождались влиянием крайне нестабильного социокультурного окружения, что делало сохранение сформированных традиций, передачу и творческое освоение научного знания трудной задачей. В целом, в условиях перестройки преемственность, трансляция огромного научного опыта способствовали становлению научной смены, будущих молодых ученых, развивавших идеи своего сообщества в новое качество. В рамках научных школ укреплялось коммуникативное интеллектуальное пространство, могло возникать новое видение и понимание научно-исследовательских проблем, обусловленное индивидуальным опытом его членов и качествами его создателя, а дезинтеграция ослабевала.

Примечания

1. Аржакова Т. Г. Научные школы как необходимая среда формирования кадрового потенциала вузовской науки // Реформы в России и проблемы управления. — 2000. — Вып. 2. — С. 4—8.
2. Федотова В. Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. — 2004. — № 5. — С. 75—82.
3. Сидорова Л. А. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Российская история. — 2008. — № 2. — С. 129—137.
4. Балакин В. С., Балакина В. С. Наука как профессиональная коммуникация // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 5. — 2006. — № 2 (57). — С. 106.
5. Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности. — М.: Наука, 1990. — С. 93.
6. ОГАЧО. Ф. 1131 — Первичная организация КПСС Челябинского политехнического института имени Ленинского комсомола, г. Челябинск. Оп. 1. Д. 337. Л. 59.
7. ОГАЧО. Ф. 3231 — Первичная организация КПСС Челябинского государственного университета. Оп. 1. Д. 26. Л. 83; Там же. Ф. Р-861 — Челябинский государственный университет. Оп. 1. Д. 1296. Л. 10.

8. Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. — Екатеринбург: УрО РАН, 2008. — С. 60—61.

9. ОГАЧО. Ф. 3231. Оп. 1. Д. 24. Л. 55.

10. ОГАЧО. Ф. 2149 — Первичная организация КПСС Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск. Оп. 1. Д. 26. Л. 19; Челябинская государственная академия культуры и искусств: страницы истории. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — С. 23—24.

11. Челябинский государственный педагогический институт. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. — С. 105.

12. Университетская Набережная. — Вып. 752. — 2006.

13. ОГАЧО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

14. ОГАЧО. Ф. 208 — Первичная организация КПСС Челябинского государственного педагогического института, г. Челябинск. Оп. 1. Д. 212. Л. 37.

15. Кудряшова Е. В. Гносеологические функции коммуникации в философском обществе: дис. ... канд. философ. наук. — Ульяновск, 2011. — С. 139.

16. Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г., Петров А. Г. и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности. — М.: Изд-во Центрального экономико-математического ин-та РАН, 2011. — С. 28; Аскарлова В. Я. Синергетика: возможности применения в исследовании динамических процессов социальной коммуникации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2005. — № 2. — С. 126—132.

17. Эльфонд И. Я. Профессор Я. А. Эльфонд (штрихи к портрету) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2003. — № 2. — С. 128—134.

18. Университетская Набережная. — 2006. — Вып. 747.

19. Вечерний Челябинск. — 2008. — № 24.

20. ОГАЧО. Ф. 3231. Оп. 1. Д. 23. Л. 50.

21. Там же. Л. 52.

22. Осипов О. В. Исследователь начального образования Оренбургского казачьего войска // Жизнь в истории: к 85-летию Андрея Петровича Абрамовского. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — С. 29—34.

23. Павленко Г. К. От штурманского училища до штурмана науки: Абрамовский А. П. // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала: мат-лы IV региональной науч. конф. — Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2004. — С. 229—234.

24. Челябинский государственный педагогический университет. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2009. — С. 9.

25. Никонова, О. Ю. Историк как «зеркало» эпохи: «не совсем научная биография» А. П. Абрамовского // Вестник Челябинского государственного университета. — № 32. — С. 7—12.

26. Аркадий Беньяминович Цфасман. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. — С. 21; ОГАЧО. Ф. 3231. Оп. 1. Д. 23. Л. 51.

27. ОГАЧО. Ф. 1131. Оп. 1. Д. 346. Л. 56.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

ФИЛИМОНОВ Иван Юрьевич, аспирант, кафедра истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). Область научных интересов — история СССР в конце XX века, история науки, научная коммуникация. E-mail: forgotten113@yandex.ru.

FILIMONOV Ivan Yurjevich, postgraduate student, Department of History, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). Sphere of scientific interests: history of the USSR in the end of XX century, history of science, scientific communication. E-mail: forgotten113@yandex.ru.